

Люди Гусмана не выключали электронные средства наблюдения и помех, непрерывно отслеживая любые подозрительные сигналы. Лин Цзыхань и остальные на всём пути не подавали никаких опознавательных знаков. Вэй Тяньюй даже деактивировал сверхминиатюрный маячок, прикреплённый к Сайфулле, чтобы тот не был обнаружен.

Хотя электронные устройства больше не использовались, Вэй Тяньюй и Лин Цзыхань поочерёдно и совершенно незаметно размещали вдоль маршрута микроскопические сигнальные генераторы. Те выделяли особое химическое вещество, которое привлекало микродатчики, имевшиеся у других охотников.

Дисциплина в группе сохранялась: люди молча удалялись всё дальше от места недавнего боя.

Они шли до самого заката и наконец достигли долины.

Местность здесь была чрезвычайно опасной: склоны вздымались отвесными стенами, кверху смыкаясь так, что над головой оставалась лишь узкая полоска неба. Оба выхода из ущелья представляли собой едва проходимые тропы — идеальное место для обороны. На вершинах были устроены скрытые наблюдательные посты, так что охрана стояла на редкость бдительная.

Сама же долина оказалась просторной, с несколькими постройками из камня и брёвен. Из-за частых в горах дождей здесь царила сырая, промозглая прохлада.

Когда группа вошла, в окнах домов зажглись тёплые оранжевые огни.

Эйлин улыбнулась Лин Цзыханю:

— Забавно, правда? У нас солнечная энергия. Панели на вершинах накапливают её, а ночью мы пользуемся запасами.

Лин Цзыхань кивнул, и во взгляде его мелькнуло любопытство.

Эйлин, явно симпатизировавшая ему, заметив эту редкую, почти детскую увлечённость, подъехала ближе, протянула руку и погладила его по волосам.

— Если завтра будет время, я покажу тебе всё поближе, — мягко предложила она.

Лин Цзыхань на мгновение заколебался, но всё же не устоял перед искушением и снова кивнул.

Сайфулла, следовавший позади, наблюдал эту сцену, и лицо его потемнело. Он оценивающе оглядел высокого и худощавого юношу, но не проронил ни слова.

Несмотря на всю свою выносливость, после ночи боёв и целого дня бегства все были измотаны. В долине все спешили и, не обмениваясь лишними словами, разошлись ужинать. Раненые отправились в лазарет.

Лин Цзыханя и Вэй Тяньюя также отвела к врачу Эйлин. Они сняли одежду, обнажив стройные тела, иссечённые ранами от пуль и осколков скал. Запёкшаяся кровь создавала на коже причудливый, почти современный узор, одновременно жуткий и завораживающий.

Эйлин, наблюдая за Лин Цзыханем, смотрела на него с таким горящим, алчным взглядом, что у того по спине пробежали мурашки.

Вскоре подошёл и Сайфулла. Он молча встал в стороне, а его острый, как лезвие, взгляд,

казалось, стремился разрезать тело Лин Цзыханя на части, выдавая жестокую, кровожадную одержимость.

Лин Цзыхань всё это время стоял к ним спиной. Когда врач обработал раны на груди и животе и велел повернуться, юноша безмолвно повиновался.

Странная татуировка немедленно впиалась в глаза Сайфулле, заставив его замереть. Холодная волна пробежала от копчика до затылка, и знакомое леденящее наслаждение накрыло с головой.

Чёрный череп, усмехающийся в языках пламени, воплощал то самое чувство, что всегда владело его разумом — восторг убийства, упоение кровью, всепоглощающую уверенность в своей власти.

Перед ним стоял юноша с обнажённым торсом, со спокойным взглядом, но Сайфулла знал: этот человек, как и он сам, был холодным и безумным демоном.

Они были одного рода.

Подобно шакалам и волкам, они порой сбиваются в одну стаю, вместе живут и охотятся. Но если в снегах долго нет добычи, они обратят клыки друг против друга, будут рвать глотки и выгрызать сердца, пожирая плоть сородича, чтобы продлить собственную жизнь.

Взгляд Сайфуллы на Лин Цзыханя резко переменился. В нём читалась и редкая радость от встречи с себе подобным, и глубокая настороженность.

Лин Цзыхань же оставался бесстрастным, как всегда. Дождавшись, когда врач наложит повязки, он спокойно надел рубашку, затем снял брюки, чтобы обработали раны на ногах.

Теперь внимание большинства было приковано к Лин Цзыханю, и на Вэй Тяньюя почти не смотрели. Его раны перевязали быстро, он так же тихо оделся, отошёл к стене и, оставаясь незамеченным, выстрелил из часов микроскопический передатчик в щель между брёвнами.

Лишь когда Лин Цзыхань, не выражая ни малейших эмоций, снова надел брюки и застегнул ремень, Эйлин мягко произнесла:

— Ступайте ужинать, а потом хорошенько отдохните.

Вэй Тяньюй ничего не ответил, лишь улыбнулся ей, и они с Лин Цзыханем вышли.

Едва дверь закрылась, Сайфулла схватил Эйлин за волосы, затем сжал её затылок, грубо развернул к себе и впился в её губы жёстким, почти злым поцелуем.

Эйлин вскрикнула от боли и рванула коленом в пах.

Сайфулла одной рукой парировал удар, другой — с силой сдавил ей шею, заставив крикнуть от боли.

Постепенно его яростный поцелуй стал мягче. Эйлин перестала сопротивляться, обвила его шею руками и ответила столь же страстно, кусая и целуя.

Они забылись в этой борьбе надолго, не обращая внимания ни на что вокруг. Когда они наконец разомкнули губы, комната была пуста: врачи ушли, раненые разошлись ужинать.

Сайфулла, глядя на Эйлин с её покрасневшими щеками и блестящими, полными желания глазами, хрипло и угрожающе прошипел:

— Не лезь к этому щенку.

Эйлин, прильнув к его могучей руке, самодовольно усмехнулась, провела пальцем по его губам и слащаво протянула:

— Я просто поиграю.

— Играешь? — злобно процедил Сайфулла. — Попробуй поиграть со мной — и я прикончу тебя. Не думай, что раз ты Госпожа Мак, я тебя тронуть не смею. Кто посмеет играть со мной, Сайфуллой, того я вырежу под корень, не оставив в живых ни пса, ни курицы.

Эйлин рассмеялась, задыхаясь:

— Мне как раз нравится твой нрав. Не волнуйся, я просто позабавлюсь с этим мальчиком. Разве его татуировка не прекрасна? Она сводит меня с ума. Только подумать — заниматься с ним любовью, глядя на этот рисунок... Я вся горю.

Сайфулла фыркнул, дёрнул её за волосы, заставив замолчать, и сказал:

— Раз уж ты так красочно расписываешь, может, и мне попробовать?

Выражение лица Эйлин мгновенно изменилось. Она оттолкнула его, выпрямилась, демонстрируя соблазнительные формы, поправила растрёпанные волосы и холодно бросила:

— Ему нравится Муша. Неужели ты собираешься брать силой?

В глазах Сайфуллы, похожих на орлиные, заплясали весёлые искорки.

— Нравится Муша? Что ж, посмотрим, насколько это правда.

Эйлин уловила скрытый смысл, слегка прищурилась, а затем широко раскрыла глаза.

— Ты сомневаешься в них?

Сайфулла презрительно хмыкнул.

— Они — чужаки. Я им не верю.

Эйлин засмеялась уже со злостью.

— Если Муша — чужак, то и мой отец чужак, а уж я-то и подавно. Во мне намешано несколько кровей, я с тобой не одного поля ягода. Так что держись от нас подальше, а то как бы не запачкать свою чистую кровь.

Сайфулла какое-то время пристально смотрел на неё, а затем резко рванул к себе, прижал к стене и снова грубо впился в её губы.

Эйлин отчаянно вырывалась, крича:

— Отстань!

Но Сайфулла держал её мёртвой хваткой, а другой рукой уже стаскивал с неё пояс.

Они боролись, как звери, тяжело дыша и не обращая внимания на окружающий мир.

На ужин они так и не пришли. Гусман не стал их ждать и принялся за еду вместе с Лин Цзыханем и Вэй Тяньюем.

Еда была простой, лесной: мясо кабана и зайца, несколько видов свежей дикой зелени, лепёшки и вода. Лин Цзыхань и Вэй Тяньюй поели досыта, и на их лицах наконец проступила усталость.

Гусман вёл себя спокойно и непринуждённо, словно и не было никакого бегства. Он взглянул на двух измождённых молодых людей и добродушно улыбнулся:

— Идите отдыхать.

Вэй Тяньюй, собрав последние силы, слегка склонил голову в почтительном поклоне, после чего они с Лин Цзыханем удалились.

В горах стояла непроглядная тьма. При слабом свете, падавшем из окон, они осторожно последовали за управляющим.

Тот сохранял невозмутимость и с почтительностью подвёл их к одной из хижин.

— Условия здесь скромные, — вежливо сказал он. — Но если вам что-нибудь понадобится, скажите — я сделаю всё возможное.

Вэй Тяньюй улыбнулся.

— Спасибо. Нам ничего особенного не нужно, нам и так хорошо.

<http://bllate.org/book/16287/1468082>